

Это было наше беззаботное детство. Нельзя сказать, что совсем уж и беззаботное — я знал, что рано или поздно, возможно, лет через шесть, а может и через десять, передо мной встанет вопрос правления. Неважно, буду ли я помогать Мирче в качестве его правой руки, или же сам займу место на троне — отец говорил, что из меня получился бы хороший князь, и он мог бы мной гордиться. Я жил одновременно в двух мирах — в осознании грядущих обязанностей, в желании стать лучше, узнать как можно больше, овладеть языками и сражаться на мечах так же, как отец. А может, даже лучше. Тогда я думал, что противника можно сразить только в честном ближнем бою. Запугивание его мертвыми гнилыми телами на кольях, выжигание земли и отравление колодцев, лживые соглашения и манипулирования, династические браки еще не были знакомы мне. Я полагался только на свою силу. Впрочем, это и в дальнейшем наложило немалый отпечаток на мою судьбу, которая преломилась после поездки в Турцию.

А сейчас ничто это мне не было еще знакомо. Вторым миром было как раз это детство — солнечный зайчик, прыгающий по деревянному столу; журчащий ручей, скачущий звонко по камушкам; мыльный пузырь, переливающийся всеми яркими цветами. И такой же прозрачно-недолговечный.

На мою голову, как снежный ком, свалилась забота о младшем брате Раду. Почему как снежный ком? Хотя бы потому, что поначалу это представлялось мне обузой и посягательством на мои детские права, на мою свободу веселого времяпрепровождения и детских игр, на мои забавы со старшим братом Мирчей. Но старший рос и, как ни грустно было это признавать, отдалялся от моего мира, его забирали в новый, готовя к правлению, посвящая во взрослые таинства, которые и я хотел знать, в которых и я хотел участвовать, но еще не мог. И, пожалуй, еще потому, что Раду был неутомимым любопытным ребенком, по временам мне казалось, что я устаю от его вечного скакания вокруг меня, надоедливых расспросов и бесполезной болтовни. Я жаловался на это Мирче, а он, вместо того чтобы согласиться со мной, только молчаливо улыбался, и в такие моменты его лицо выражало то снисходительное отношение взрослых к детям, что мне становилось тоскливо, что он так быстро отделился от моего мира. Он

ничего не объяснял мне в такие моменты, только хлопал по плечу, а потом рассказывал истории о боярах, о соглашениях между странами и об учителях, которые преподавали ему уже иные уроки, чем мне. Я заслушивался его. Когда из любопытства я задал ему вопрос, только тогда я поймал себя на вполне четкой мысли, что поступаю по отношению к старшему так же, как Раду держится со мной. Это была такая ясная, оформленная и внезапно свежая мысль, что слушать ответ Мирчи вместе с ней оказалось многожды приятнее. Теперь и я смотрел на него со спокойной улыбкой, будто снова сократив между нами расстояние, будто говоря — «Я знаю то, что ты знаешь». Стоило мне понять эту простую истину, и все стало сразу легче. Исчезла тяжесть заботы о младшем брате, вместо этого мне захотелось защищать его, иметь над ним покровительство старшего, не допустить, чтобы он совершил ошибку. Я как мог отвечал на его вопросы, или выдумывал необычные ответы, и сам поражался своей фантазии в такие моменты. Видя эту перемену во мне, Раду и сам обрел спокойствие — по всему видно было, что раньше всеми правдами и неправдами, всеми своими силами маленького человека он пытался привлечь мое внимание и проникнуть в мой мир, изнемогая от того, что никак не может это сделать, докучая и мучаясь от этой настойчивости. Сейчас же его капризность словно бы уменьшилась, и печаль, в которой я порой его заставлял, развеялась лучами радости.

Вспоминая его, я неизменно вспоминаю наши причуды детства. Восхищение миром было в нас чистым, мы растворялись в нем, отдавая каждому дню с той непосредственностью и наивностью, с какой могут любить мир только дети. Тогда уже я любил смотреть на синезеленые горы, зубастые, воздевшие свои пики над безмятежным небом, отправляющим в странствие пушистые, густые облака. Лес приветливо махал своими листьями, шелестя песни о мире и о свободе на своем, не румынском языке. В тот день Раду попросил показать мне горы. Маленький, шестилетний мальчишка, он крепко держался за мою руку своей теплой ладонью, и колоски, и метелки в поле доставали порой ему до плеч. Он тогда тер ладошкой щеку, говоря, что травы его «чечочат». Я объяснял ему, что это природа здороваается с ним и зовет с собой поиграть. Мы шли дальше, и иногда у меня возникало опасение, что дома нас уже принялись искать — мы ушли, ничего не сказав, сбежав с урока, и дома отец наверняка будет сердиться и отвесит подзатыльник — как он всегда любил делать, когда

требовалось наказать нас, при этом понимая наше желание улизнуть. Поэтому в нашей прогулке было что-то запретное, горячило кровь и вело нас вперед. Мы ведь уже ушли — было бы глупо поворачивать теперь назад. Да и оба мы не пугались и не робели, ведомые интересом, а Раду было спокойно, ведь он держал мою руку, а я был его старше. По пути к горам, мы свернули к речке. Я умылся и выпил воды, страдая от жажды — полуденное солнце припекало, макушка была горячей. Раду зашел вслед за мной в воду, намочив босые ноги и чувствуя камушки и песок. Ладонки его касались глади реки, глаза лучились, а на лице появилась улыбка. Я не мог понять, отчего он радуется таким простым вещам. Но было в этих действиях нечто отличающее его, делая не похожим на нас с Мирчей. Может, еще потому, что у нас были разные матери и младшему братишке время от времени приписывали черты его матери. Сейчас, почти по колено в воде, маленький, с румянцем на щеках и каштановыми кудрями, обрамляющими лицо, с этим радостным выражением его, он был ближе к рыбам и птицам, к кронам деревьев, к маленьким ящеркам и солнечным бликам, ближе к горам, к которым он шел, чем кто бы то ни было. Этот мир шептал ему свои тайны, и он принимал их. Они казались заговорщиками, которые увели меня из скучной реальности, от моих внутренних убеждений стать хорошим учеником и послушным сыном, дерзнуть и хоть немного откусить плод своеволия. Сейчас Раду учил меня, и за эти уроки я тоже был ему благодарен. Шлепнув ладонью по воде, я брызнул в его сторону. Братец очнулся от размышлений, встрепенулся и стал брызгаться в ответ. Он не злился на меня и не жаловался, ему сразу стало интересно. Лицо его смеялось, кудри прыгали, и мы оба настолько увлеклись игрой, что не заметили, как стали мокрыми от нашей забавы. Раду заслонялся руками, с новой силой принимался брызгаться, а потом и вовсе убежал от меня на берег. Приятная прохлада воды освежила нас, день не казался уже таким мучительно жарким. Я последовал за ним, присев на траву и зачерпнув горсть камушков, стал кидать их в воду один за другим. Река проглатывала их, забавно при этом булькая. Раду, лежа на траве и прищуриваясь от попадающего сквозь листву деревьев солнца в глаза, спросил, почему мы не видели рыбок. Они далеко от берега, к тому же глубже под водой, ответил я. И добавил, что когда отправимся все вместе на рыбалку, тогда можно будет посмотреть на рыб. Раду довольно улыбнулся, пошевелив пальцами на ногах, и сказал, что будет

здорово и что они гладкие, скользкие и очень смешные. В последний раз, когда Мирча дал ему в руки рыбешку, младший братец не смог даже удержать ее в руках. Я тоже подумал, что будет здорово смотреть на их серебристые спинки, как они захватывают воздух своими губами, и согласился, что стоит уговорить отца. Рассказал я ему еще и то, что Мирча уже бывает с отцом на охоте. Перевернувшись на живот и подперев щеки кулачками, он заворожено слушал меня, не перебивая. Раду всегда был благодарным слушателем, поэтому выдумывать новые истории или рассказывать старые случаи рядом с ним было всегда интересно, это приобретало новые оттенки и краски, будто я реставрировал свои воспоминания и заново пробовал их на вкус.

Пролежав какое-то время, мы поднялись и продолжили наш путь. Иногда Раду устало спрашивал меня, долго ли еще идти, но стоило завидеть ему фигуру в облаках или интересный цветок, как он тут же увлекался этой игрой, забывая обо всем. На солнце наша одежда быстро сохла, и скоро уже снова ветер пузырил рубашки, как флаг. Мы шли по тропинке, и время от времени я срывал травинки и метелочки, мусоля их в губах. По пути нам попадались дома с соломенными крышами, чем-то теплым и домашним веяло от них, запахами домашнего скота и молока. Это не было нашим домом и скорее напоминало о служанках, но сейчас мы были частью и этого мира тоже. Проходили крестьяне с вилами и косами в руках, пробегали задорные крестьяночки в легких, узорчатых сарафанах. Я дотянулся до яблони, великодушно протянувшей через забор свои ветви, и сорвал нам с Раду сочных, розовобоких яблок, сладких еще больше потому, что это было нашей маленькой шалостью, что мы шли в своем увлекательном странствии и что мы несколько часов уже ничего не ели. В сторону гор ехал мужчина — руки его были в мозолях, грубоватые, и ласково светились простодушные глаза труженика. Он спросил нас, откуда мы, и звонко рассмеялся, когда я сказал, что мы княжеские дети. Я уже хотел было рассердиться на него за то, что он не верит мне, но чем я смог бы доказать обратное? Мы одни убежали из дома, и никого из взрослых с нами не было, а после нашей игры на реке волосы немного взлохматились. Раду одернул меня за рукав и лукаво взглянул, приложив палец к губам. Тогда я понял, что он хочет, чтобы мы оставили это в секрете, чтобы это была только наша тайна. Мы играли роли обычных детей, смотря на людей с оттенком превосходства, нас объединяла наша тайна, и оттого путешествовать стало еще при-

ятнее. Мы с Раду сели в повозку — крестьянин согласился нас подвезти до самых гор, сено немного кололо через рубашку, но мы откинулись на него, уставшие после долгой ходьбы. Братец прижался спиной ко мне, недовольный тем, что сено колется, и смотрел по сторонам, иногда указывая мне на птиц, пытаюсь подражать их голосам, и передразнивал их, смеясь. Нас обоих не заботило то, что нас могли потерять, что вот-вот на горизонте мог появиться всадник из людей отца.

Мы поблагодарили крестьянина, который свернул на другую дорогу, оставив нас стоять возле возвышающихся гор. Жара уже спала, и все кругом наполнилось предвечерним спокойствием, в воздухе разливался сладковатый аромат. Раду поднял глаза вверх, жадно осматривая созданных природой великанов, и закрыл их затем, глубоко вдохнув. Я стоял в стороне и смотрел на него, маленького чародея, маленького колдуна, общающегося с природой и духами, шамана, управляющего ветрами, дорогами и звездами. В такие моменты он казался мне не маленьким мальчиком, а лишенным времени и возраста мудрецом, слугой на алтаре красоты, монахом божества, имени которого я не знал, но это было больше, чем наш знакомый привычный Бог. Раду вдруг сорвался с места, расправив руки, как крылья, и я, со всей своей проворностью, едва поспевал за ним. Горы возымели над ним такое действие, словно это не он еще недавно преклонил голову у меня на плече. Он учил меня сейчас, что мы не только дети нашего отца, не только наследники валашского трона, но еще и дети природы, мы в равной мере принадлежим и ей, откликаемся на ее зов, читаем ее знаки, учимся радоваться ей и быть ей благодарными. О, как же завидовал я ему, ведь я не был посвящен во все таинства этой связи, не мог понять до конца, что он испытывает и чувствует. Уже тогда он был прекрасен, но не потому, что у него были идеальные черты лица или нечто особенное в цвете синих глаз — просто его радость, воодушевленность и наслаждение моментом так потрясали, что невольно начинаешь задумываться, насколько прекрасна в своих творениях жизнь. В каждом изгибе корня, в прожилках листа, в форме цветка или узоре на камне — во всем была своя особенная, уникальная жизнь, присущая только ей черточка. И за эти знания, как за еще одни уроки, которые никто не преподавал бы мне, кроме него, я был благодарен.

Со всей самозабвенностью принялся я догонять Раду, говоря, что поймаю, раскидывал руки. Братец прятался от меня за дерево, появляясь то с одной стороны, то с другой — смотря куда порывался я, норовя ухватить его за руку или край рубашки. Он был словно лесной эльф — казалось, вот-вот упорхнет от меня на ветку дерева или цветок собирать пыльцу. Лимонно-желтая бабочка резвилась над его головой, такая же радостная и полная жизни, неповторимых линий ее маленьких крыльев. Потом я поймал его в свои руки, защекодав, и голос его смеха был похож на журчание той реки, у которой мы были сегодня. Каждое место, с которым мы поздоровались, в котором мы были и которое просто удостоили взглядом, оставляло на нем свой отпечаток. Природа обнимала его, своего любимого сына, так же, как я сейчас поймал его в свои руки. Я был счастлив радоваться с ним и знать, что ни отец, ни Мирча не видят сейчас его таким, не знают, что это сказочный принц в короне из зеленых и золотых листьев, что это мифический полубог в сотканном из серебряной паутины плащом с каплями дождя на ее нитях. Все ему было ведомо, в каждом жесте говорила безмерная Вселенная, я любовался им и тогда еще подумать не мог, что его искренность и открытость, его многоликость и непосредственность: изящность стебелька и проворность белки, озорство солнечных лучей и неуловимость рыбки привлекут к себе чужое внимание, что все это откликнется опасностью, варварской стрелой в блаженно тихом лесу. Что, как любую зверушку, мне следует его защищать больше, чем кажется на первый взгляд, что все это не так непреходяще и вечно и нуждается в ласковом прикосновении тихого созерцателя. Поднявшись чуть выше в горы, мы присели под деревом, а потом он и вовсе забрался на ветку, болтая ногами в воздухе и насвистывая несложную песенку, которую я с готовностью подхватил. Наши голоса перемежались с трелями птиц, поющих и зовущих друг друга, и я совершенно потерял всякое значение времени.

В таких подробностях я помню это маленькое летнее событие потому, что оно произвело тогда на меня сильное впечатление. А уж потом, когда моменты радости, веселья и благодатного участия и единения с природой медленно стали угасать и вовсе исчезли, когда на нашем пути оказалось много жестокости и боли, через которую, как через реку, полную грязи и песка, поломанных веток после грозы, нам пришлось пробираться — так вот, потом эти сладостные моменты стали еще более дороги моему сердцу, отголоском напоминали

они о себе и манили, желая не возврата в прошлое, но обретения снова этого единства со всем живым, единства с самим собой.

Прохлада вечера уже ощущалась в нашем скромном убежище, в этом месте, куда мы явились в гости, и вскоре я поднялся с земли, отряхнулся и, взглянув на Раду снизу вверх, сказал, что нам пора возвращаться домой. Он не капризничал, не возражал, а просто спрыгнул с дерева. Я поймал его, и мы оба завалились на землю. Он наполнился этой силой, налит до самых краев. Наступит ночь, и его глаза загорятся, как прочие звезды — я был уверен в этом. Какое-то время мы шли, как утром, держась за руки, а потом он попросил меня уставшим голосом понести его на себе, даже не предполагая иного варианта, кроме как моего согласия. Я действительно согласился и повез его на спине, а Раду, прильнув, обнял меня своими ручонками за шею. Мы долго молчали, и мне даже казалось порой, что он спит. Мне было интересно, какие же сны видит это юное создание, какие чудеса ему открываются там и как он их комбинирует, как играет с ними и кем он там предстает. Я знал, что нам непременно достанется за нашу прогулку, но впечатления от нее были настолько сильными, что ничто не могло перекрыть этих знаний, этих эмоций. Я уже заранее знал это и гордился тем, что только мы оба прочувствовали это, что и в нашем, таком хрупком и невечном детском мире, намного более коротком, чем мир взрослых, есть свои тайны и истины, которые недоступны взрослым. Я был преисполнен этого чувства, и открыл мне его младший брат.

А на небе начали показываться первые ясные звезды и часть луны, провожающие нас домой.